

ГИПЕРБОЛИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РОЛИ РАБОЧЕГО КЛАССА И ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ В РЕВОЛЮЦИИ 1905–1907 ГГ. В ИСТОРИОГРАФИИ БЕЛАРУСИ

В.М. Фомин, г. Минск

Гиперболизация политических аспектов революции 1905–1907 гг. в советской историографии явилась следствием прихода к власти в октябре 1917 г. большевиков и их упорного стремления доказать российскому обществу и всему миру, что все это не было ни делом случая, ни простым стечением обстоятельств. Они, придя к власти во главе со своим вождем В.И. Лениным, стали настойчиво подавать себя в качестве спасителей России. Им представлялось, что они не просто активно участвовали в начале XX в. в политической жизни страны, а явились, по меньшей мере, творцами истории этого периода. Поэтому и революцию 1905–1907 гг. В.И. Ленин определял как пролог октября 1917 г. Одним словом, их не устраивало быть в истории, они претендовали на место ее творцов.

Помочь большевикам в этом должны были историки, перед которыми встала задача создать историю революции 1905–1907 гг. строго по ленинским лекалам, которые должны были составить ее идейно-политическую и методологическую основу.

Трудности выполнения этой задачи заключались в том, что многие видные ученые историки после прихода к власти большевиков вынуждены были покинуть Россию, другие посчитали безнравственным приспособлять свои научные взгляды к политическим запросам новой власти. Поэтому в 20-е годы XX в. эту функцию взял на себя историк-марксист профессиональный ученый М.Н. Покровский. Он, конечно, поначалу допускал ошибки, потому что не сразу понял, чего от него ожидает партия. Она его поправляла. Он признавал свои ошибки, и в конечном счете даже избежал репрессий 30-х годов.

Преувеличивать (балансируя нередко на грани фальсификации) роль большевистской партии как авангарда рабочего класса в революции 1905–1907 гг.

советским историкам пришлось по всем ее аспектам. В данной статье мы остановимся на двух наиболее важных из них: о гегемонии российского пролетариата в этой революции и о контрреволюционности либеральной оппозиции.

Для большевиков вопрос о гегемонии пролетариата имел принципиальное значение. Ее признание означало автоматическое признание руководящей роли РСДРП в революции, которую они уже тогда стремились перевести в полномасштабную гражданскую войну [1, с. 391]. Поэтому положение о гегемонии пролетариата в революции В.И. Ленин выводил не из реальной расстановки классовых сил, а опираясь на широкий размах революционной, прежде всего, стачечной борьбы пролетариата. Между тем, о его гегемонии можно было бы говорить, если бы РСДРП как авангард рабочего класса действительно объединяла и возглавляла в ходе революции все революционные и оппозиционные силы. На деле она проводила политику, направленную не на объединение, а на раскол единого фронта борьбы.

В проекте резолюции III съезда РСДРП В.И. Ленин писал: «III съезд РСДРП обращает внимание всех партийных организаций на то, что необходимо:

а) использовать все и всякие случаи открытого политического выступления общества и народа ... для противопоставления общедемократическим требованиям самостоятельных классовых требований пролетариата ... для организации его в самом ходе таких выступлений в самостоятельную социалистическую силу» [2, с. 147].

Из этого следует, что главным в планах В.И. Ленина в революции 1905–1907 гг. было не установление подлинного народовластия на основе торжества принципов демократии, а расчистка почвы для прихода к власти партии профессиональных революционеров-большевиков.

Естественно, имея такие исторические реалии, советским историкам 20-х годов XX в. оказалось не просто выполнить партийно-классовые идеализированные запросы большевистской власти. Путь пролегал, прежде всего,

через гиперболизацию политических аспектов революции. М.Н. Покровский как ведущий историк новой советской школы пришел к признанию правильности ленинской концепции о ведущей роли пролетариата в революции 1905–1907 гг. только в конце 20-х – начале 30-х годов. В начале 20-х он лишь указывал на выдающуюся роль, которую сыграл российский пролетариат в революции, и что это явилось ее главной особенностью в сравнении с буржуазными революциями Запада. Но и для этого своего утверждения ему пришлось сильно политизировать рабочее движение и в угоду ленинской концепции поднимать его до социалистического уровня. Так, он подчеркивал, что уже 9 января 1905 г. рабочая масса, сама того не сознавая, шла не только против старого порядка, она шла против буржуазного порядка вообще. На деле же эта масса шла, прежде всего, против извечно царившей в российском обществе несправедливости, приниженности человеческого достоинства. А это уже категория не классового, а надклассового, общечеловеческого сознания. И на это М.Н. Покровский вынужден был обратить внимание, указывая на наличие сильных экономических настроений у основной массы пролетариата, на его недостаточную сознательность и организованность, увлеченность «стачкизмом» [3, с. 38].

В конечном счете советские историки 20-х – начала 30-х годов в целом выполнили задачи по утверждению в исторической науке ленинской концепции русской революции 1905–1907 гг. [3, с. 48]. В последующие годы, вплоть до распада СССР, шла работа по обоснованию ее неопровержимости. Особенно широко развернулась она после смерти И.В. Сталина. Считалось, что глубокое изучение ленинского наследия будет способствовать преодолению отрицательных последствий культа личности Сталина. Поэтому и гиперболизация политических аспектов революции 1905–1907 гг. в обоснование неопровержимости ленинских догм стала осуществляться советскими историками с особым усердием.

Этому способствовало и то, что теперь был значительно расширен доступ к документальным источникам, ослаблена цензура. Успехи советской историографии в этом деле оказались весьма внушительными. Ленинская

концепция ведущей роли (гегемонии) пролетариата в революции 1905–1907 гг. в качестве неопровержимой получила закрепление в ряде обобщающих трудов по истории СССР, таких как: «История СССР. С древнейших времен до наших дней» [4, с. 250]; «Очерки истории СССР. Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг.» [5, с. 10–11]. Вышли специальные юбилейные издания, а также многочисленные монографические исследования, в которых гегемония пролетариата в революции определяется как закономерное явление российской действительности. Наиболее известные из них: «Исторический опыт трех российских революций» [6, с. 306–307]; «Революция 1905–1907 гг. в России» [7, с. 365–367]; «Первая революция в России. 1905–1907 гг.» [8, с. 202–203]; «Первый штурм царизма 1905–1907 гг.» [9, с. 233] и др.

Характерно, что о гегемонии пролетариата в большинстве книг говорится в главах, посвященных итогам и историческому значению революции. Они подаются в качестве подтверждений правильности ленинской концепции. Хотя в описании хода революции практически этот вопрос не рассматривается. Все указывает на высокий размах стачечного движения рабочих и напряженную суету вокруг этого партии большевиков. Из сочетания этих элементов действительности и выводится положение о руководящей роли в революции пролетариата. А его правильность и научная глубина подтверждаются цитатами ленинских трудов.

Не служит подтверждением якобы имевшей место гегемонии пролетариата в революции 1905–1907 гг. и опыт Февральской революции 1917 г. Как известно, ее победоносный исход в Петрограде предрешил солдатский мятеж, а не организованные и целенаправленные действия пролетариата.

Не менее сложно шло утверждение в советской историографии и ленинской концепции о контрреволюционности либеральной оппозиции. Положение осложнялось тем, что по этому вопросу не было единства взглядов внутри самой РСДРП. Меньшевики, в отличие от В.И. Ленина и большевиков, признавали либеральную буржуазию не просто активным участником революции, но и ее

интеллектуальной составляющей. В.И. Ленин, выделяя либеральную оппозицию в особый лагерь в революции с оценкой его как контрреволюционного, добивался признания в качестве единственной политической силы в борьбе с царизмом революционно-демократического лагеря во главе с партией большевиков.

Советским историкам было непросто добиться, во-первых, единства взглядов по этому вопросу, во-вторых, привести их в соответствие с ленинской концепцией. По мнению М.Н. Покровского, высказанному в начале 20-х годов XX ст., либеральная буржуазия как целое играла революционную роль, «коллективно облегчала революционное движение, помогала ему развиваться» [10, с. 240]. Впоследствии М.Н. Покровскому пришлось пересмотреть свои взгляды в пользу ленинской концепции.

В работах других авторов этих лет (А.Н. Слепкова, С.Г. Томского, С.Е. Сефа) проблема роли и места буржуазии в революции 1905–1907 гг. пока ещё рассматривалась в недостаточном соответствии с ленинской концепцией, зато ближе к правде истории. В 30-е годы изучением этого вопроса активно занимался Е.Д. Черменский. Результатом явился выход в 1939 г. книги «Буржуазия и царизм в революции 1905–1907 гг.». Фактически эта работа, как и ряд вышедших в 30-е годы его статей, были посвящены раскрытию контрреволюционной природы русской буржуазии, антинародной сущности буржуазных партий. Считалось, что эту важную проблему советской исторической науки он полностью разрешил. Ее дальнейшая разработка фактически не проводилась вплоть до конца 50-х – начала 60-х годов XX в. [10, с. 247–248].

После смерти И.В. Сталина в условиях наступившей некоторой «оттепели» в общественной жизни изучение роли либеральной оппозиции в революции 1905–1907 гг. начало быстро расширяться. Однако общим методологическим принципом новых исследований по этой проблеме явилось более глубокое обоснование правильности и научной достоверности ленинской концепции революции 1905–1907 гг., в том числе о контрреволюционности либеральной

оппозиции. В эти годы вышли работа С.М. Сидельникова, В.И. Бовыкина, Н.П. Киреева, Л.М. Спирина, В.И. Старцева, В.Я. Лаверичева и др.

Их главная заслуга перед советской исторической наукой, по определению В.В. Шелохаева, заключалась в том, что они достаточно полно и подробно изучили ленинскую концепцию русского либерализма [10, с. 254]. Зная суть этой концепции, можно с полным правом утверждать, что советские историки в своих исследованиях в значительной степени просто отошли от правды истории, тем самым блокировали на долгие годы возможность использования последующими поколениями имевшего место ценного исторического опыта.

В этой связи современным историкам Российской Федерации и других постсоветских государств пришлось в острой полемике преодолевать политизированные концепции, ставшие догматическим консервантом в исторической науке. Только на этом пути стало возможным вернуть истории ее роль учителя жизни и обеспечения исторической связи поколений.

Результатом явился выход ряда фундаментальных исследований, написанных с опорой на современные методологические принципы. К их числу необходимо отнести: «Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе» А.Н. Медушевского [11]; «Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика» В.Я. Росула, Т.С. Интенберга и др. [12]; «Государственная дума Российской империи. 1906–1917» А.Ф. Смирнова [13]; «История России XX век: 1894–1939. Под ред. А.Б. Зубова» [14] и др.

Историография по этой проблеме в Беларуси складывалась в условиях жесткой централизации и господства партийно-идеологизированного единомыслия по всем теоретическим проблемам истории. Как и в СССР в целом, историография по вопросам гегемонии пролетариата в революции 1905–1907 гг. и контрреволюционности буржуазии сформировалась постепенно. В 20-е – начале 30-х годов исследования историков Беларуси носили преимущественно повествовательный характер. В них хорошо описывается правда жизни и очень

мало научно-теоретических обобщений и выводов. Такими были первые книги по истории Беларуси В.Ю. Ластовского и В.М. Игнатовского [15]. Касаясь революции 1905–1907 гг., В.М. Игнатовский лишь отметил, что общая забастовка 1905 г. прошла дружно по городам Беларуси и откликнулась на селе. Продолжением ее был целый ряд отдельных забастовок [15, с. 173].

Изучению истории Беларуси большое внимание в те годы уделял М.В. Довнар-Запольский. В его труде «История Беларуси» революционное движение 1905–1907 гг. подается как ответ на события 9 января 1905 г. и последующие события в России. Дается конкретное, приземленное описание стачек, проходивших в городах Беларуси. При этом указывается, что основным ядром белорусского революционного движения с началом XX в. являлась Белорусская социалистическая громада [16, с. 520].

Довнар-Запольский воздержался от выражения своих взглядов в отношении ленинской концепции революции 1905–1907 гг. в России, ограничившись описанием реальных выступлений рабочих, крестьян, других слоев населения Беларуси. Воздержался, потому что не нашел подтверждения в событиях революции ни в отношении якобы имевшей место гегемонии пролетариата, ни в отношении контрреволюционности либеральной оппозиции, как и поводов для обвинения и национализме БСГ, Бунда и др.

Абсолютное и безоговорочное признание правильности ленинской концепции революции 1905–1907 гг. получило в историографии Беларуси в послевоенные годы. Это со всей определенностью, с опорой на цитаты ленинских трудов, освещено в послевоенном академическом издании двухтомной «Истории Белорусской ССР», вышедшей в 1961 г. [17].

В этой книге научность и достоверность выводов и обобщений определяется безапелляционностью авторских утверждений. Таких, как «большевики непосредственно возглавляли революционные выступления рабочих, крестьян, солдат и неустанно разоблачали меньшевиков, а также националистов – белорусских, еврейских, польских, пытавшихся расколоть ряды

революционных масс путем насаждения в народе классовой розни и вражды» [17, с. 534]. Вот так истинные разжигатели классовой ненависти и вражды в народе – большевики с подачи белорусских советских историков выступают борцами за единство всех революционных сил.

С другой стороны, указание на то, что большевики вели непримиримую борьбу со всеми политическими силами внутри революционного лагеря исключает даже саму идею ведущей роли РСДРП в революции. В описании хода революции настойчиво проводится идея о том, что рабочий класс боролся в революции в союзе с крестьянством. Но кроме указаний на синхронность выступлений рабочих и крестьян как доказательства такого союза, практически ничего не дается. Зато в причинах поражения революции в согласии с В.И. Лениным на первом месте ставится то, что в революции не сложился прочный союз рабочих и крестьян [17, с. 584]. В книге нередко факты истории идут сами по себе, а выводы и обобщения сами по себе, но с учетом утвердившихся в советской историографии идеологем.

В отношении поведения либеральной оппозиции в революции 1905–1907 гг. в Беларуси в книге вне всякой связи с реальными событиями отмечается, что она, напуганная размахом революционного движения, искала сделки с царем против революции, требовала небольших реформ [17, с. 486].

Во всех последующих обобщающих трудах по истории Беларуси неизменно господствующей в оценке революции 1905–1907 гг. выступает ленинская концепция. Так, во 2-м томе пятитомной «Истории Белорусской ССР», вышедшем в 70-е годы XX ст., отмечается, что в революции участвовали все слои трудящихся во главе с пролетариатом, который являлся руководящей и главной двигающей силой революции [18, с. 425]. Его союзником было многомиллионное крестьянство, но союз не сложился, и поэтому революция потерпела поражение. О либеральной оппозиции: «Революция доказала, что либерально-буржуазный лагерь не может играть революционной роли, что либеральная буржуазия в решающие моменты становится на сторону реакции и контрреволюции» [18, с.

426]. Все это было прямое заимствование из тех книг, которые выходили в ведущих центрах страны.

Значительный вклад в историографию революции 1905–1907 гг. в Беларуси внес в послевоенные годы К.И. Шабуня. В своем крупном исследовании «Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг.» он проанализировал положение крестьян Беларуси в начале XX в., с ленинских позиций, раскрыл суть аграрного вопроса в Беларуси на рубеже XIX – XX вв., в деталях описал крестьянские выступления накануне и в ходе революции. Его книга – это ода формирующемуся союзу социалистического пролетариата и революционного крестьянства. Воспевая союз рабочих и крестьян, он в заслугу большевистской партии относит ее борьбу за крестьянские массы против эсеров, либералов и белорусских националистов. А это и есть свидетельство того, что при таких условиях ни союза, ни гегемонии пролетариата вообще не могло быть. Поэтому, как и все другие исследователи этой проблемы, наличие такого союза он вынужден подтверждать, прежде всего, синхронностью выступлений рабочих и крестьян [19, с. 426]. Однако в завершение вопреки всему автор утверждает, что «революция полностью подтвердила верность ленинского учения о гегемонии пролетариата и союзе рабочего класса и крестьянства в революции» [19, с. 431].

В 1984 г. вышел 1-й том истории рабочего класса Белорусской ССР, посвященный периоду капитализма. В нем дается трехлагерная расстановка классовых сил в революции 1905–1907 гг., которая автоматически перекочевала сюда из союзных изданий. Указывается, что большевики Беларуси с первых дней революции развернули активную работу по обеспечению гегемонии пролетариата в освободительном движении, хотя ее результаты остались за кадром [20, с. 239]. О либеральной буржуазии, как и во всех других послевоенных исследованиях, со ссылкой на В.И. Ленина утверждается, что либеральная буржуазия фактически в революции занимала контрреволюционные позиции [20, с. 214].

Таким образом, гиперболизация политической роли пролетариата в революции 1905–1907 гг. в белорусской историографии явилась следствием механического перенесения на белорусскую почву безраздельно утвердившейся в советской историографии ленинской концепции революции. Она базируется на теории социальной революции, в основе которой лежит непримиримость классовых интересов в обществе и насилие как единственно возможный способ смены политической власти.

В постсоветский период и российские и белорусские историки в значительной своей части пытались снять с исторической науки непомерный груз идеологического давления, освободиться от субъективистских взглядов на историю.

В результате в Республике Беларусь появились работы, в которых революция 1905–1907 гг. рассматривается не как событие, творцом которого являлась партия большевиков, а как общенародное дело. И врагов у нее, кроме власти, пожалуй, не было.

Для этих работ характерным является уход от жесткой, политически ангажированной терминологии. Кричащий тон повествования уступил место научному рассуждению по поводу конкретных исторических фактов. Цитаты трудов классиков марксизма-ленинизма перестали играть роль аргументов, подтверждающих правильность сделанных выводов и обобщений.

Одной из первых такого рода работ явились «Нарысы гісторыі Беларусі». В их рабочий класс, как и ранее, признается в качестве ведущей силы демократического лагеря [21, с. 380]. Однако ведущая сила – это не гегемон. Нет указаний на контрреволюционность либеральной буржуазии. Отмечается только то, что она стремилась к введению в России конституционной монархии с парламентом [21, с. 381].

Ближе к истине можно считать и освещение вопроса о союзе рабочих и крестьян в революции. В книге отмечается, что весной 1905 г. под непосредственным воздействием рабочего движения началось массовое

революционное движение крестьян [21, с. 385]. Здесь не организованное воздействие рабочих на крестьян да ещё под руководством большевиков, а воздействие стихии революционного движения. И в этой стихии была его сила. С новых позиций освещается и белорусское национальное движение в период революции, деятельность БСГ как выразителя интересов белорусского народа.

Новый взгляд на революцию 1905–1907 гг. в Беларуси мы находим и в «Нарысе гісторыі Беларусі. 1795–2002» под авторством Захара Шибеки. Рассказ о революции свободен от влияния господствовавших в советской историографии догматических концепций классиков марксизма, свободен от высокопарных политизированных конструкций, он приближает читателя к истории повседневности [22, с. 137–142].

Ушли от утверждения наличия «гегемонии пролетариата» в революции 1905–1907 гг. в Беларуси, союза рабочих и крестьян, контрреволюционности буржуазии и преподаватели БГУ, авторы пособий по истории Беларуси для вузов, колледжей, лицеев, гимназий и школ [23].

О революции 1905–1907 гг. в книге «Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветных цывілізацый)» отмечается, что БСГ и в городе и в деревне выступала единым фронтом с бундовцами, эсерами, членами РСДРП и ППС. Отмечается забастовочное движение в Беларуси в ходе Октябрьской политической забастовки, а также декабрьского вооруженного восстания в Москве. Все без указания на гегемонию пролетариата, на союз революционных сил – пролетариата и крестьянства. О либеральном лагере речь идет только в связи с выборами в Государственную думу. Ни о их революционности, ни о контрреволюционности речи не идет, потому что при отсутствии земских учреждений в Беларуси влияние либералов здесь было незначительным [24, с. 221–223]. С учетом достижений современной исторической науки в Беларуси анализируются события революции 1905–1907 гг. в изданной в 2009 г. Национальной Академией наук Беларуси и Институтом истории книге «Беларусь: Народ. Государство. Время» [25]. В ней дается описание реальных выступлений рабочих, крестьян и других слоев

населения без политизации их требований и характера борьбы. Отмечается, что организующей силой белорусского национального движения во время революции являлась БСГ, которая выступала на стороне революционных сил [25, с. 103]. Указывается на то, что в Беларуси либеральное движение не имело такого распространения как в центральных российских губерниях в силу слабости социальной базы для этого в крае [25, с. 104].

Таким образом, историки Республики Беларусь в своих исследованиях революции 1905–1907 гг. в значительной степени освободились от идеологизированного, догматического похода, бездоказательности и заведомой тенденциозности выводов и обобщений, имевших место в советской историографии.

Однако значение всего этого снижается тем, что все авторы указанных изданий описание революционных событий начинают как бы с чистого листа. А, между тем, читатель вправе ожидать разъяснений по поводу возникших расхождений в оценке ряда концептуальных вопросов революции в советской и постсоветской историографии. К тому же новый подход в освещении событий революции затронул далеко не все вопросы. Например, по-прежнему сохранилось ленинское указание на то, что после октябрьской волны революционных выступлений ускорилась дифференциация общественно-политических сил, что проявилась в возникновении различных партий, союзов, организаций [25, с. 101]. Для Ленина, сторонника теории непримиримости классовых противоречий, классовой вражды, дифференциация общества – путь к обострению этих противоречий, тогда как для России историческое значение этого явления заключалось в реальных шагах по пути формирования гражданского общества, за которым стоит признание преимуществ общечеловеческих ценностей над классовыми, корпоративными, групповыми и т.п.

Не изменился и подход к оценке декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве и других городах как к высшей точке, кульминации революции, хотя на деле это была провокационная затея большевиков с целью развязания в

стране полномасштабной гражданской войны. Так что термин «кульминация» правомерен только в том смысле, что Россия в связи с декабрьскими восстаниями оказалась на краю пропасти.

В конечном счете можно сказать, что сделаны только первые шаги в переосмыслении историками революции 1905–1907 гг. Задача состоит в том, чтобы полностью освободить ее от политической гиперболизации и приспособления к политико-идеологической гегемонистской концепции большевистской партии.

Литература и источники

1. Россия в начале XX в. / под ред. акад. А.Н. Яковлева. – М.: Новый хронограф, 2002. – 744 с.
2. Ленин, В.И. Полное собрание сочинений: в 55 т. / В.И. Ленин. – 5 изд. – М.: Изд-во политической литературы, 1960. – Т. 10: Проект резолюции по вопросу об открытом политическом выступлении РСДРП. – 1960. – С. 147–148.
3. Егоров, В.Г. Ленинская концепция первой русской революции в советской историографии 20-х – начала 30-х годов / В.Г. Егоров // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции: сб. статей. – М.: изд. «Наука», 1978. – 317 с.
4. История СССР. С древнейших времен до наших дней: в 12 т. – М.: Изд. «Наука», 1968. – Т. 6: Россия в период империализма 1900–1917. – 853 с.
5. Очерки истории СССР. Первая русская буржуазно-демократическая революция 1905–1907 гг. / под ред. акад. А.М. Панкратовой, проф. Г.Д. Костомарова. – М.: Госучпед изд-во Минпроса РСФСР, 1955. – 342 с.
6. Исторический опыт трех российских революций / Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС; редкол.: П.А. Голуб (гл. ред.) [и др.]. – М.: Политиздат, 1985. – Кн. 1: Генеральная репетиция Великого Октября: Первая буржуазно-демократическая революция в России. – 575 с.
7. Революция 1905–1907 гг. в России. – М.: «Мысль», 1975. – 431 с.

8. Шацилло, К.Ф. Первая революция в России. 1905–1907 / К.Ф. Шацилло. – М.: Просвещение, 1985. – 223 с.

9. Первый штурм царизма 1905–1907 / В.И. Бovyкин, П.Н. Зырянов, Ю.И. Кирьянов. – М.: «Мысль», 1986. – 252 с.

10. Шелохаев, В.В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии / В.В. Шелохаев // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции: сб. статей. – М.: Изд. «Наука», 1978. – С. 236–255.

11. Медушевский, А.Н. Демократия и авторитаризм: Российский конституционализм в сравнительной перспективе / А.Н. Медушевский // Российская политическая энциклопедия. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. – 650 с.

12. Гросул, В.Я., Итенберг, Г.С., Твардовская, В.А., Шацилло, К.Ф., Эймюнтова, Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия: Идеология и практика / В.Я. Гросул, Г.С. Итенберг, В.А. Твардовский, К.Ф. Шацилло, Р.Г. Эймюнтова. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 440 с.

13. Смирнов, А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906–1917 гг.: Историко-правовой очерк / А.Ф. Смирнов. – М.: Книга и бизнес, 1998. – 324 с.

14. История России. XX век: 1894–1939 / под ред. А.Б. Зубова. – М.: Астрель, АСТ, 2009. – 1023 с.

15. Ігнатоўскі, У.М. Кароткі нарыс гісторыі Беларусі / У.М. Ігнатоўскі; уст. арт. А.П. Грыцкевіча; камент. і заўвагі Э.Н. Гнеўкі. – 5 выд. – Мінск: Беларусь, 1991. – 190 с.

16. Довнар-Запольский, М.В. История Белоруссии / М.В. Довнар-Запольский. – Минск: Беларусь, 2003. – 680 с.

17. История Белорусской ССР: в 2 т. – Т. 1. – М.: изд-во АН БССР, 1961. – 654 с.

18. Гісторыя Беларускай ССР: у 5 т. – Т. 2: Беларусь у перыяд капіталізму (1861–1917 гг.). – Мінск: “Навука і тэхніка”, 1972. – 688 с.

19.Шабуня, К.И. Аграрный вопрос и крестьянское движение в Белоруссии в революции 1905–1907 гг. / К.И. Шабуня. – Минск: Изд-во Минвуза БССР, 1962. – 435 с.

20.История рабочего класса Белорусской ССР: в 4 т. / Ин-т истории АН БССР; редкол.: К.И. Шабуня (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Наука и техника, 1984. – Т. 1: Рабочий класс Белоруссии в период капитализма. – 1984. – 400 с.

21. Нарысы гісторыі Беларусі: у 2 ч. / рэдкал.: М.П. Касцюк, У.Ф. Ісаенка, І.В. Штыхаў [і інш.]. – Ч. 1. – Мінск: Беларусь, 1994. – 527 с.

22.Шыбека, З. Нарыс гісторыі Беларусі (1795–2002) / З. Шыбека. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2003. – 490 с.

23.История Беларуси. – Минск: ИП «Беларыт», 1997. – 448 с.; Гісторыя Беларусі / А.Л. Абцедарская, П.У. Брыгадзін, Л.А. Жылуновіч [і інш.]; пад рэд. А.Г. Каханойскага [і інш.]. – Мінск: “Экаперспектыва”, 1997. – 496 с.

24.Гісторыя Беларусі (у кантэксце сусветных цывілізацый): вуч. дапаможнік / В.І. Галубовіч, З.В. Шыбека, Д.М. Чаркасаў [і інш.]; пад рэд. В.І. Галубовіча і Ю.М. Бохана. – Мінск: Экаперспектыва, 2005. – 584 с.

25.Беларусь: Народ. Государство. Время / редкол.: А.А. Коваленя [и др.]; Нац. Акад. Навук Беларусі, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2009. – 879 с.